Бугук Фёдор Семёнович
23.02.1925, д. Мокрово Ленинского р-на Пинской обл.

- Мама, Прасковья Петровна, растила девятерых детей, в то время как отец, Семён Максимович, работал на земле. Жили на хуторе: у нас было своё поле, своё хозяйство. Три класса школы я закончил в Мокрово, а с четвёртого по седьмой учился в Синкевичах. Когда в 1939г. пришли большевики, учащихся с польской школы «вернули» на класс назад, поэтому школу я закончил в 1940г. В том же году поступил в железнодорожное училище в Лунинце, на помощника машиниста нас училось 250 человек. Но началась война…

Директор училища, Антон Ярковой, не мог найти, как отослать всех нас подальше от фронта, на восток. И он отпустил нас домой на 12 дней с надеждой, что что-то прояснится. В итоге я остался на хуторе. Когда приближались фашисты, люди ушли в лес.

Дома было тихо, немцев не видать. Однажды мама послала меня к кладбищу за 3 километра забрать наших коней. Вернулся – двор полон немцев. Мама тихонько велела запрягать лошадь и ехать к отцу, чтобы таким образом сохранить для себя хотя бы одну лошадь, так необходимую в хозяйстве. Фашистам я объяснил, что туча выходит и в поле хлеб нужно забрать, иначе дождь его намочит. Немец потребовал к двум часам ночи непременно вернуться домой. Немцы были в клуне, когда я вернулся. Но в два часа ночи в дом явился кто-то из них с вопросом: « Wo ist der Junge mit dem Pferd?» - «Где парень с лошадью?» Я был за печкой, услышав разговор, шмыгнул через окно в сад. Но немцы впрягли корову и две пары коней, чтобы тянуть оружие.

В 1942 году начали забирать людей в Германию. Из семьи я был самый старший, в Лунинец увезли меня одного. Назавтра за мной приехал отец, нам удалось сбежать. Но не тут-то было: через несколько дней пришла повестка – явиться на посторунок (пункт сбора). Вместо того, чтобы последовать, я ушёл жить в лес к родственникам. Иногда я приходил домой, и, почему-то, 1 мая 1942г. мне захотелось остаться ночевать дома. Зря я это сделал, конечно. Не успело и солнце взойти, как за мной пришли немец и полицай. И не только меня, но и Сашу, геологоразведчика из Минска, которого война застала в Мокрово, посадили в КПЗ (камеру предварительного заключения) в Лунинце примерно на неделю. В один из томительных и тревожных дней меня и ещё четверых ребят повели проходить медкомиссию в железнодорожном клубе. Все мы были здоровы, с какой-то целью нас 5-х посадили в вагон с полицаями, остальных же людей в товарные вагоны, и привезли в Брест. В казарме мы пробыли в одной большой комнате, а на входе поставили часового, и в туалет мы могли ходить только по одному человеку.

Нас взбудоражил неожиданный выстрел, но этот выстрел был случайным – от заряженной винтовки полицая. Полицаи подошли друг к другу закурить, один из них неосторожно поставил винтовку (стукнул),

произошёл самострел: было разнесено лицо полицая. Ровно через неделю нас посадили в вагоны с колючей проволокой на окнах и отправили в Германию. Нас разместили на территории, огороженной колючей проволокой. Помнится, как к проволоке подходили покупатели и выбирали себе людей. Мы же попали в Вильгельмсхафен. Привезли, открыли дверцы машины – большой, хорошо застроенный лагерь, похоже, что планировался концентрационный, но это был трудовой – Мариензиль (das Siel- шлюз, осушительный канал). Через три дня нас набирали на работу на завод по производству деталей для пароходов. В памяти осталось название предприятия «Maschinenbaubetrieb» - машиностроительный завод. Моего друга поставили к токарному, а меня – к карусельному станку. Работать у станка не разгибая спину продолжительное время было трудно, и я специально запорол деталь, что мне подсказали сделать люди старше возрастом. Поэтому меня не стали брать на завод, а перевели грузить брюкву, картошку, пшено и кокс для котельной. Изо дня в день мы ели баланду из брюквы, шпинат, пшённую кашу, картошку, а также грамм триста красного хлеба (наверное, со свеклой смешивали) и чай. Помню забитые до верха пшеном комнаты. А ещё грузили картофель по подвалам. Привозили и засыпали в подвал сырой картофель, при этом пересыпая его пульпой розовой – лёгким порошком, и картофель хорошо сохранялся.

Помнится следующий эпизод. Немец начал бить нашего рабочего, а я не выдержал и попытался его остановить. Так получилось, что я разорвал ему штаны. На машине нас четверых увезли в каталажку, побили резиновыми дубинками по ягодицам, и их троих отпустили, а меня посадили в тюрьму на три недели. В тревоге и грустных раздумьях прошли томительные дни, пока усадили в машину и отвезли на другую работу – на приборостроительный завод. Работал в цеху «Купершмидт», где делали детали подводных лодок. Мы работали все вместе: русские, французы, голландцы и др. Через некоторое время меня вызвали в полицию. Пять человек хотели обворовать склад в столовой, действительно нас постоянно преследовало чувство голода. Когда я работал грузчиком, то умудрялся прихватить брюкву или пшено для себя и своих друзей, а на этом предприятии к продуктам мы не имели отношения. Так вот четверо были посажены в тюрьму, а одному удалось сбежать. Немцы решили, что этим пятым был я. Перегнули через стул, избили по ягодицам резиновой дубинкой так, что я потерял сознание. Очнулся в камере и еле-еле поднялся на ноги. Меня увидела немка, которая убирала, она была сильно удивлена, что я жив. Сразу же сообщила полиции, и меня снова отправили на допрос. Они меня не слушали, бесполезно было что-то снова доказывать, и я угодил в тюрьму. Со мной были Губич Коля из Синкевичей, парень из Лунинца по кличке «Готель», и ещё один из Кожан-Городка (не помню имени). В камере содержалось около тридцати человек, негде было присесть. Наша группа выдержала эти муки, а часть заключённых выдрали решётку в окне и удрали.

Спустя некоторое время нас снова отправили в лагерь. Одно занятие было там – копать канавы. В конце войны огромную толпу людей отвели на

красивый, чистый луг. Вокруг на страже стояла охрана с пулемётами. Мы сидели без дела, нас кормили бульоном с бобами и кусочком хлеба. В одно утро мы обнаружили, что нас никто не охраняет: немцы убрались прочь. Вышли люди, а вокруг никого. Но мы не знали, куда идти, и остались в лагере. Не прошло много времени, как приехали канадские машины – машины с кленовыми листьями. Канадцы кидали нам галеты, огромная толпа ликовала. А лагерь, оказывается, был заминирован, как нам сообщили позже.

Через три дня пришли наши, накормили, а потом переправили через Эльбу на русскую сторону. Стали решать, кого да куда. Я-то уже всё решил: мне хотелось в армию. Мне предложили подумать, но я настоял на своём. Уже в начале августа я и ещё около 60 человек, будучи в батальоне особого назначения, шли всю ночь с целью выполнения боевой задачи: создать панику в тылу врага… Машины были американские, а пулемёты наши. Едой было всё, что попадалось на глаза: картошка в поле, дикие козы. Хорошее питание в армии было налажено с началом выплат репараций Германией.

Меня перевели в Эленбург в 350-й гаубичный полк. Я был там и слесарем, и мастером впоследствии, так как в Лунинце учился на помощника машиниста и знал технику. Весной в 1946 году мы разбирали оружие. Я старшине рассказал, что и как нужно разбирать, но когда все легли спать, он позвал нас сделать всё самим. Мы, как сейчас помню, подшучивали, мол, без пол-литра не обойдётся. Он пообещал дать два, только бы сделали. И вознаградил. А потом старшина демобилизовался, и на его место назначили меня. Годы службы в армии – это лучшие годы моей жизни. Это пять ярких, насыщенных лет (1945 - 1950 гг.), а три предыдущих года (1942 - 1945гг.) – мытарства раба невольного.

В 1950 году я вернулся домой, потому что мама просила в письмах помочь поднимать детей, так как отца отправили в Калининград. Я работал в комбинате бытового обслуживания в Микашевичах на мельнице, пилораме. Спустя годы перевёлся на лесозавод машинистом.

В 1950 г. женился на женщине с красивым именем Любовь. Однако это не единственный брак, так как Любовь умерла. Моей второй женой стала её сестра – Вера Леонтьевна. Дети от первого брака - Тамара и Мария, от второго брака появились Любовь и Сергей.

2013, Сергиевич Валерия, Зражевский Андрей - учащиеся 11 кл. СШ № 2 г.Микошевичи